

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ А. В. БЕРДЯЕВА в 40-х годах XIX века

И. А. Федосов

При характеристике общественно-политической мысли 40-х годов XIX в. наши исследователи обычно ограничиваются рассмотрением взглядов идеологов и вождей революционно-демократического лагеря Белинского и Герцена, но не исследуют воззрения рядовых представителей этого лагеря. К числу последних следует отнести Аркадия Васильевича Бердяева, многочисленные произведения которого сохранились в архивах III отделения.

Произведения Бердяева тем более интересны, что среди них мы находим несколько детально разработанных конституционных проектов будущего устройства России. Напомним, что до сих пор не было известно ни одного проекта конституции России, составленного в последекабристский период общественного движения.

Аркадий Васильевич Бердяев родился в 1819 или в 1820 г. в семье отставного майора, помещика Харьковской губернии Василия Николаевича Бердяева. До 16 лет он воспитывался дома гувернерами, а затем поступил в Харьковский университет на юридический факультет. А. В. Бердяев окончил его в 1843 г. со степенью кандидата прав. Сохранилась любопытная записка «О влиянии состояния внутренней жизни народов — их цивилизации, на характер их внешних отношений, и о протекающей отсюда важности науки народного права, рассуждение, написанное студентом III курса юридического факультета А. Бердяевым»¹. К этому же времени, очевидно, относится другое его произведение — «Теоретическое изложение главнейших начал уголовного судопроизводства»². В 1844 г. Бердяев поступил на службу в канцелярию харьковского губернатора, однако в том же году он переехал в Петербург, где устроился чиновником в Департамент внешней торговли Министерства внутренних дел³.

В это время, очевидно, Бердяев и напи-

сал свои произведения: стихи на русском и французском языках, драмы, большое количество заметок по политическим вопросам, вопросам этики и религии и др.

Среди его произведений наибольший интерес представляют «Петр Великий и Россия», «Россия и ее призвание», заметки о сен-симонизме, «Мысли и замечания» и очень любопытные конституционные проекты. Кроме того, в бумагах Бердяева имеются многочисленные наброски к отдельным частям конституции, о местном самоуправлении и др.⁴

Антисамодержавные и атеистические взгляды Бердяев, очевидно, не скрывал от своих домашних и знакомых, что и дало возможность его дворовому человеку донести на него. 24 мая 1845 г. из канцелярии великого князя Михаила Павловича в III отделение был переслан доклад слуги Бердяева Степана Щелкова на своего господина. К докладу были приложены бумаги, написанные А. В. Бердяевым. В докладе утверждалось, что Бердяев «отвергал веру в господа нашего Иисуса Христа. Отвергал власти, поставленные над нами всемогущим творцом небесным, и сочинял разные свои нелепые суждения против сего»⁵.

По этому докладу Бердяев был арестован. Следователи стремились добиться от Бердяева, кто внушал ему «либеральные идеи» и кто эти идеи разделял вместе с ним. Бердяев заявлял, что никто антиправительственных идей ему не внушал, участников его «злоумышления» никого нет и что он вообще ни с кем не делился «либеральными» идеями⁶. Среди близких знакомых Бердяева (Бошущкий, братья Минстеровы, Нордштейн и др.) подозрительных для правительства лиц не оказалось. В конце концов шеф жандармов Орлов на докладе Дубельта написал следующую резолюцию: «Допрошу его сам, если ничего не откроет, то Высочайше повелено считать его сумас-

⁴ Все бумаги Бердяева находятся в его следственном деле (там же, ф. 109, 1 эксп., 1845 г., д. 107) и вещественных доказательствах к нему (ф. 109, вещ. док., оп. 214, 1845 г., д. 189—194).

⁵ Там же, ф. 109, 1 эксп., 1845 г., д. 107, л. 3 — 3 об.

⁶ Там же, лл. 71, 73—73 об.

¹ ЦГИАМ, ф. 109, вещ. док., оп. 214, 1845 г., д. 191, лл. 125—136, 178—197.

² Там же, лл. 57—115.

³ Там же, 1 эксп., 1845 г., д. 107, л. 70.

шедшим и посадить в Алексеевский рavelин, впредь до приказания»⁷. Таким образом, самодержавие решило применить к Бердяеву то же наказание, что и к Чаадаеву, усугубив его еще заключением в Петропавловскую крепость на неопределенный срок. Ходатайства родственников и «чисто-сердечное» раскаяние привели к некоторому смягчению наказания: Бердяев был «выдержан» в тюрьме, а затем сослан в Симбирск под надзор полиции.

Имя Бердяева всплыло снова в 1849 г. в связи с процессом петрашевцев. Агент-провокатор Антонелли доносил 27 февраля 1849 г. со слов Петрашевского: «Известное лицо (Петрашевский. — И. Ф.) рассказывало, что было свидетелем арестования какого-то] Бердяева. Преступление Бердяева, по словам известного лица, состояло в том, что он вел для себя журнал или лучше сказать дневник, куда вписывал и свои мнения, и все недостатки, которые замечал в политическом мире. Между разными разностями Бердяев написал однажды в своем журнале, — что каждый из последующих государей после Петра I все более и более отдалялся от цели, предначертанной этим великим монархом, и что в наше время поступки и дела ныне царствующего государя дошли до того, — «qu'il faut faire un appel au peuple». ...Наконец... его (Бердяева. — И. Ф.) нечаянно схватили и запрятали бог знает куда. В минуту арестования Бердяева известное лицо находилось у него и так было проворно, что во время суматохи успело сжечь очень важные бумаги, которые бы могли его самого компрометировать»⁸.

Донос Антонелли свидетельствует о том, что Петрашевский знал об аресте Бердяева и вспоминал о нем через четыре года. Доказательств причастности Бердяева к петрашевцам нет, но анализ произведений Бердяева свидетельствует о том, что они были близки взглядам петрашевцев, особенно раннего периода, когда четкого размежевания общественно-идейных течений еще не было.

В произведениях Бердяева, предназначенных им, очевидно, для опубликования, нет прямого, непосредственного обличения существующего общественного или полити-

ческого строя. Критика этого строя была заключена в его позитивных теоретических и политических построениях, в противопоставлении проектируемого им политического строя тогда существовавшему. Признавая закономерность самодержавия на определенном этапе исторического развития и даже преувеличивая его значение⁹, Бердяев доказывает необходимость ликвидации самодержавия и установления представительного конституционного правления. Он считает ненормальным и бедственным такое положение, когда «все наши права, все наши преимущества, все наше благосостояние» являются «даром» самодержавных правителей. «Если мы образованны — это от того, что они позволяют нам образование; если мы пользуемся безопасностью, это от того, что им благоудно даровать нам безопасность. Все наши права, все наши преимущества... Боже мой, одно слово царское могло бы рассеять их, как дым в воздухе»¹⁰.

Бердяев уделял особенно много внимания критике существующего законодательства и судопроизводства и вместе с тем дал позитивную картину реформированного суда. Напомним, что большой интерес к вопросам законодательства и судопроизводства был характерен и для петрашевцев. В сочинении «Теоретическое изложение главнейших начал уголовного судопроизводства» Бердяев писал: «Мы не можем веровать в непогрешимость свода законов... не можем считать его юридическим Евангелием»¹¹.

Критикуя произвольность судебных решений и зависимость суда от администрации, Бердяев с горечью отмечает, что при таком положении нет «в обществе безопасности», «нет правосудия». Человек в таком обществе «теряет чувство своих прав, составляет себе о правосудии понятие мрачное, невыгодное; находится в непрерывном страхе; соделывается недоступным человеколюбию, сострадательности и всем благородным чувствам»¹². Возмущение Бердяева вызывают закрытое судопроизводство, отсутствие адвокатуры, назначаемость

⁹ ЦГИАМ, ф. 109, вещ. док., оп. 214, д. 191. «Россия и ее призвание». Это произведение, на наш взгляд, является одной из ранних работ Бердяева, относящейся к харьковскому периоду его жизни.

¹⁰ Там же, л. 83—83 об. «Теоретическое изложение главнейших начал уголовного судопроизводства».

¹¹ Там же, лл. 3—6.

¹² Там же, лл. 57—58.

⁷ Там же, л. 77.

⁸ «Дело петрашевцев». Т. III. М.-Л. 1951, стр. 405.

и сменяемость судов и особенно организация незаконных чрезвычайных комиссий, обвинительные приговоры которых не могут, по его мнению, считаться уголовным решением. «Это — юридическое убийство». Самодержавное правительство, устанавливающее такие чрезвычайные судилища, превращается в деспотическое. В изъятии у суда права предварительного следствия и предоставлении этого права полиции Бердяев видит «ужасный источник злоупотреблений», ибо подсудимые «могут быть тайно подвергнуты пытке, истязаниям; их ответы, показания свидетелей могут быть изуродованы совершенно, все обстоятельства дела представлены суду в ложном свете, и суд сделается невольным сообщником полицейского беззакония... Кто знает, что делается за закрытыми дверями полицейского присутствия?»¹³. Бердяев прямо указывает, что эта критика относится прежде всего к России, и выражает уверенность, что «эта ложная система рано или поздно исчезнет»¹⁴. Нет нужды доказывать, что эти красноречивые тирады Бердяева были направлены прежде всего против русского самодержавия и его судебной «системы».

Не случайно Бердяев заканчивает свои рассуждения описанием судьбы арестантов, перегоняемых в Сибирь: «Каждый день по нашим городам и селам проходят толпы арестантов, и воздух потрясается звуком их оков, и живая смерть ожидает их под мрачным небом Сибири... Первое чувство, возбуждаемое их видом, есть чувство сострадания. Они бедны, думает народ, они не имели средств подкрепить золотом свою правоту, и за то обвинительный приговор разразился над ними. Часто народные проклятия в таких случаях вопиют к небу против тех, которых народ считает своими палачами»¹⁵.

Нельзя преувеличивать степень революционности Бердяева. В этом произведении (очевидно, одном из ранних) Бердяев обращается к самодержавию, надеясь, что оно само произведет необходимые улучшения. Критикуя русское законодательство и судопроизводство, он требует перехода к «европейским формам общественной жизни».

Бердяев уделил мало внимания вопросу о крепостном праве. Его конституционные проекты свидетельствуют о том, что он был

противником крепостного права. Однако остается неясным, на каких условиях, как и когда он намеревал ликвидировать крепостное право. В одном из отрывков своих стихотворений Бердяев осуждает «ограбление народа» и высмеивает лицемерие помещиц «филантропии». Этот отрывок свидетельствует об антикрепостническом мировоззрении Бердяева.

В своих сочинениях он уделил большое место характеристике исторического процесса развития России и западноевропейских стран. Бердяев отвергает утверждения, будто соединение людей в общество есть результат произвольной деятельности людей, преследующее «цель взаимной защиты и безопасности, цель материального или нравственного благоденствия, цель пользы и пр.». Он придерживается другой точки зрения, что «человек, как существо разумное и в то же время общежительное, не может довольствоваться индивидуальным бытием; что его высшее назначение, что его нормальное состояние осуществляется в обществе, которое поэтому не есть явление случайное, произвольное, придуманное для какой-нибудь внешней цели, а выражение верховного закона нашей внутренней природы, нашей духовной главнейшей потребности. Цель общества есть цель человека, а не его изобретение: она состоит в развитии наших нравственных и физических сил, и способность к этому развитию составляет наше основное отличие от всех прочих творений»¹⁶.

Соединившись в обществе, человек в результате исторического прогресса победил природу, победил в «борьбе с препятствиями, встречаемыми им на пути к истине». «Мир промышленности — вот торжество его над внешней окружающей его природой; мир умственный — вот торжество его над невежеством и предрассудками в сфере нравственной жизни»¹⁷. Серьезным фактором развития общества, определившим, в частности, разделение человечества на народы, нации, Бердяев считает географическую среду, климат. Застойность развития восточных народов Бердяев объясняет прежде всего влиянием климата, которое, по его мнению, «на Востоке всецело и которое содействует человека рабом окружающей физической природы»¹⁸. Другими

¹⁶ Там же, л. 125—125 об.

¹⁷ Там же, л. 126 об. «О влиянии состояния внутренней жизни народов...».

¹⁸ Там же, л. 115. «Россия и ее призвание».

¹³ Там же, л. 70 об. — 71.

¹⁴ Там же, л. 71 об.

¹⁵ Там же, л. 84.

причинами отсталости стран Востока Бердяев считает укоренившееся суеверие, ложную религию, семейный быт и пр.¹⁹

Вместе с тем Бердяев категорически отвергает расовую теорию и признает все народы по природе своей равными и способными к историческому прогрессу. «В настоящее время признана и доказана,— пишет он,— общность человеческой природы... мы не можем считать какой-нибудь народ выше другого по его естественным правам»²⁰. «Думать,— утверждает Бердяев в другом своем сочинении,— что обширные страны Востока, что необъятные африканские пустыни навсегда останутся в состоянии неподвижности и младенчества...— эта мысль, унижительная для человечества, противоречит в то же время здравому смыслу... Рано или поздно человек должен остаться победителем...»²¹. В полном согласии с гегельянской философией Бердяев считает, что каждый народ является носителем определенной общечеловеческой идеи и каждый этап его развития есть проявление этой идеи в определенных исторических условиях.

По мнению Бердяева, ведущей силой исторического прогресса является личность. «Во все эпохи человеческой жизни,— писал он в своем сочинении «Мысли и замечания»,— разумная природа человечества выражалась в великих умственных движениях общества и народов, а эти движения имели своими представителями известные лица. Общества шли вперед, но никогда не шли самостоятельно; они были ведомы к какой-то высшей, неизвестной для них цели теми великими людьми, которые... прозревали эту цель. Эти гениальные люди... эти истинные представители человеческой усовершенности олицетворяли в себе, так сказать, всю сумму потребностей и духовных сил своего времени»²². В числе таких великих людей Бердяев называет Данте, Колумба, Коперника, Шекспира, Мольера Петра Великого.

Рассматривая политическое устройство древних государств, Бердяев отдает свои симпатии республиканскому строю, считая его залогом расцвета культуры Греции и Рима: «В Риме правительство юности

было республиканское, и кто не знает, что ему Рим был обязан своим непрочным величием?» Бердяев самыми мрачными красками рисует императорскую власть в Риме, как «деспотизм и тиранию, как вырождение Рима, его закат»²³. Правильно отмечая непрочность Римской империи, Бердяев не понимал, однако, социально-экономических причин распада античного общества. Он видел эти причины в том, что «все пружины государственной деятельности» были «испорчены излишествами деятельности и непомерным напряжением», в том, что «Рим был всегда терзаем внутренними раздорами, возвысился завоеванием, составил из тысячи разнородных частей — и пал под бременем этой разнородности, не мог вынести собственной тяжести»²⁴. Рассматривая период средних веков как закономерный этап развития человечества, Бердяев вместе с тем рисует этот период самыми мрачными красками. Он пишет: «В общественном устройстве, в общественных верованиях, в общественных установлениях была страшная ошибка. Предрассудки сковали мысль... Везде анархия, и везде деспотизм; рабство в самом сердце власти... суеверие в самой святости религии — вот истинная картина средних веков. Феодализм, теократия, монархическое самовластие боролись между собой со страшной яростью — и взаимными силами терзали людей»²⁵.

По мысли Бердяева, средние века были лишь переходным периодом, «эпохой мрачного перехода человечества от одного состояния к другому, болезненным кризисом образования, благотельным по своим последствиям». «Восматриваясь внимательно в самый характер установлений этого времени, мы не можем не замечать ясных симптомов общественного развития»²⁶. Такими «симптомами общественного развития» были, по мнению Бердяева, крестовые походы, способствовавшие «разрушению феодализма», упрочение монархической власти, «сокрушившей феодальное здание», христианская религия, в которой были заложены основы единства, хотя в это время она была еще «источником раздоров, кровопролитий».

Бердяев признает значение общественных переворотов и революций, считает их законом общественного прогресса для на-

¹⁹ Там же, л. 115—115 об.

²⁰ Там же, л. 113 об.

²¹ Там же, л. 191 об. «О влиянии состояния внутренней жизни народов...».

²² Там же, л. 224—224 об. «Мысли и замечания».

²³ Там же, л. 102 об.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, л. 104.

²⁶ Там же, л. 178. «О влиянии состояния внутренней жизни...».

родов Западной Европы, а их результаты — благодетельными для человечества. Реформация в Германии — падение «оков папского деспотизма» — и английская революция, сокрушившая «политический деспотизм», произвели, по мысли Бердяева, третий переворот: «Феодалное общество, оставшееся и после них неприкосновенным, испустило последний вздох под ударами скептической философии XVIII столетия и французской революции»²⁷. Особенно восторженную оценку Бердяева получили французские просветители XVIII века. «Это великое усилие разума», по мнению Бердяева, было результатом предшествующих социальных и политических переворотов, оно было «явлением великим и благодетельным... проявлением могущества разумной природы человека, расширило круг его идей, дало сильный жизненный толчок его интеллектуальной деятельности»²⁸. Главные заслуги рационалистической философии XVIII в. Бердяев видел в том, что она «разрушила предрассудки... и злоупотребления», «полная юности и энергии, она осмелилась признать и провозгласить человеческое достоинство», возвысила человека, «развила идею равенства его человеческих прав и, поставив разум человеческий верховным судьей в деле истины и познания, указала ему место, которого он еще не знал». Однако Бердяев в ранней своей работе критически относится к политическим требованиям рационализма: он пишет, что рационализм проповедовал разрушение всех положительных связей общества, защищал вольность, простертую до дерзости, беспорядков и анархии, и хотел заменить самодержавие власти, сосредоточенной в одних руках, самодержавием слепой толпы. Положительным, с его точки зрения, было то, что рационализм указал «правительствам на их истинный путь, на их истинное назначение, опровергнув ложную мысль, что выгоды правителей и управляемых различны»²⁹. Бердяев признает, что французская революция была закономерным итогом предшествующего развития, следствием развития рационалистической философии. Осуждая крайности этой революции, Бердяев считает ее результаты великими и полагает, что она послужила рубежом во всемирной истории: переходный период цивилизации

кончился, феодализм разрушен — начинается новый этап истории человечества. Содержанием этой новой эпохи Бердяев считает борьбу за равенство, борьбу за демократию.

В другом, более позднем своем произведении, «Мысли и замечания», Бердяев прямо указывал, что «демократия составляет, кажется, так точно, действительную потребность нашего века, как она составляла любимую мечту прошлого столетия. Торжество демократии очевидно»³⁰.

Каково отношение Бердяева к сложившемуся в большинстве европейских стран буржуазному строю? Бердяев далек от преклонения перед «достижениями цивилизации» в странах Западной Европы. Он думает, что до осуществления идеала общественного устройства — демократии — еще очень далеко, «аристократия только преобразовалась, но не уничтожилась». Бердяев дает едкую и правильную характеристику буржуазного строя: «Аристократия наследственная, феодальная разрушается больше и больше. Место ее уже занято аристократией денежной. Вот и все различие. Мы поклоняемся золотому тельцу, как предки наши поклонялись наследственной доблести. Наше поклонение, быть может, еще более рабоподобно... И так это мечтательное равенство, за которое люди в продолжение полвека резали безжалостно друг друга, осталось тем, чем оно было, т. е. мечтою»³¹. По мнению Бердяева, предстоит еще упорная, тяжелая борьба за осуществление этой мечты.

Большой интерес представляют дальнейшие рассуждения Бердяева в его набросках «Мысли и рассуждения». Считая, что всякому общественному перевороту предшествовало «умственное движение», Бердяев пишет, что в настоящее время «истинная демократия царствует... в мире мысли»³². Можно предполагать, что «умственным движением» своего времени Бердяев считает утопический социализм. Это предположение находит свое подтверждение в том, что в его бумагах сохранился ряд набросков об утопическом социализме и, в частности, о сен-симонизме. Эти наброски не окончены. Но судя по тому, что Бердяев неоднократно возвращался к этой теме, она его очень занимала, он придавал, очевидно, ей большое значение³³.

²⁷ Там же, л. 105. «Россия и ее призвание».

²⁸ Там же, л. 182 об. «О влиянии состояния внутренней жизни...».

²⁹ Там же, л. 183.

³⁰ Там же, л. 222. «Мысли и замечания».

³¹ Там же, л. 222 об. — 223.

³² Там же.

³³ Там же, лл. 55, 96, 118.

Как же рассматривал Бердяев русский исторический процесс? Чтобы правильно понять его воззрение на историю России, следует иметь в виду, что произведения Бердяева не датированы и датировать их в ряде случаев невозможно, что они по своему типу не являются заметками для себя, типа дневниковых записей, а рассчитаны на опубликование в подцензурной печати, написаны в форме статей или трактатов, иногда полемически направлены против тех или других современных писателей. Сочинения Бердяева преследовали определенную политическую цель. Несмотря на свою антипатию к самодержавному правительству, Бердяев обращался к нему, чтобы толкнуть его на путь проведения прогрессивных реформ. Он хотел доказать возможность таких реформ без «переворота», без ломки общественных отношений и политического строя. Рассуждения Бердяева по вопросам русской истории особенно ценны тем, что они являются страстным протестом против теории официальной народности и исторических воззрений славянофилов.

Стремясь доказать необходимость развития России по тому же пути, что и Западная Европа, доказать необходимость прогресса, просвещения, стремясь толкнуть правительство на этот путь, Бердяев в своем сочинении «Россия и ее призвание» исходит из официальной распространенной точки зрения: Россия развивается своим особым путем, свойственным исключительно ей, что ее путь — это нечто среднее между европейским и азиатским путями. Но Бердяев стремится доказать, что, несмотря на различие путей, цель исторического прогресса как на Западе, так и в России одна — торжество разума, свободы, демократии. Он указывает: мы следуем по пути западноевропейских стран; движение, которое дал России Петр Великий, остановить невозможно. «...Запад управляет нами нравственно, к нему обращены наши взоры, его правильные движения находят отголосок в наших сердцах. Если мы далеко отстали от Европы — мы догоняем ее, и постепенное развитие нашей общественной жизни, наши исполинские успехи доказывают: Россия предназначена быть государством просвещенным». Мы призваны, пишет далее Бердяев, понести восточным народам европейскую образованность, цивилизацию — в этом призвание России. Мудрое просвещенное правительство должно следовать именно этому пути, должно

выполнить великие начинания Петра — в этом залог силы, могущества государства, его процветания. Всякие попытки остановить поступательное движение России по пути прогресса, представленные теорией официальной народности, славянофильством, есть «святотатство», «жестокий анахронизм»³⁴.

Рисуя самыми мрачными красками допетровский период русской истории, Бердяев дает восторженную оценку Петру I. Он возвращается к нему в самых различных работах и посвящает ему одно из лучших своих сочинений — «Петр Великий и Россия»³⁵. «Петр был гений, единственный в истории человечества», он показал «пример добродетели почти республиканской на престоле самодержавном, он был выше всех великих государственных деятелей мира всех времен и народов». Что же особенно ценил Бердяев в деятельности Петра? Полемизируя с Устряловым, который утверждал, что Петр будто бы «разрушил государство Московское и создал Россию», Бердяев пишет, что Петр «ничего подобного не разрушал и не создавал». Перечисляя заслуги Петра, Бердяев пишет: «Он возвеличил Россию во всех отношениях. Дал ей правильную администрацию, войска, флот, покрыл ее оружием славы; смирил ее мятежи, развил ее благосостояние; учредил многие полезные заведения для распространения образованности; заставил всех принять новые нравы, новый образ жизни, — словом, начал собою новую эпоху нашей истории». Петр сделал из России азиатской Россию европейскую, «захотел разрушить все следы ее давнишнего разрыва с Западом и владычества татар». «Петр понял, что для того, чтобы войти в систему государств европейских, Россия должна разорвать всякую связь с прошедшим, должна совершенно переменить свое нравственное и гражданское состояние. Он не пощадил ни одного из его древних обычаев, верований, установлений... Петр заставил нас быть европейцами; целая бездна отделяет новую Россию от России древней».

Путь, намеченный Петром, доказывает Бердяев, — единственно правильный путь; всякое отклонение от этого пути ведет к остановке прогресса, к застою, к азиатчине. Бердяев с ненавистью обрушивается на тео-

³⁴ Там же, л. 110. «Россия и ее призвание».

³⁵ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1845 г., д. 107, лл. 15—39.

рию официальной народности, на уваровскую троицу, на теории славянофилов, доказывая их несостоятельность, вскрывая подоплеку этих ретроградных теорий. Он пишет, что Уваров хочет разрушить все, что сделано Петром и Екатериной: «Они хотели сблизить, сроднить нас с Европой; он старается противопоставить нас Европе. Его блистательные теории с быстротою разлились в нашей литературе — и наши воображаемые ученые, литераторы и поэты помещались на какой-то народности, будто бы непримиримой с европейским просвещением; их сочинения наполнены нареканием против всего, что делается на Западе».

Резкую отповедь дает Бердяев славянофильству: «Наши знаменитые защитники славянизма, московизма, вандализма и татарщины» проявляют «смешную антипатию» к Европе, «в самых благородных ее движениях думают открыть первые признаки общественного разрушения. Все ее успехи, все ее перевороты преданы проклятию». Славянофилы прибавляют, находим далее у Бердяева, «чтобы сохранить свою народность, страшитесь буйного Запада, исполненного безнравственности, неверия, ересей, либерализма; живите, как жили ваши предки (московиты времени Иоанна Грозного), думайте, говорите, как они думали и говорили, верьте тому, чему они верили». Оценивая эти теории, Бердяев заключает: «Но эти слепые и лицемерные приверженцы старины забывают, что после Петра и Екатерины их дикие идеи составляют святотатство, что их патриотизм — клевета на отечество, что их народность — чудовище невежества, что их теории — жестокий анахронизм... Подобные взгляды в наше время составляют верх нахальства»³⁶.

Высказываясь за сближение с Западной Европой, Бердяев предостерегает в то же время от «обезьянства». Он предлагает не подражать ей, а пользоваться плодами ее успехов. Бердяев резко критикует дворянское общество, которое вместо заимствования европейской образованности стало «слепым подражателем иностранцам», забыло «всю свою историю, все свои прежние подвиги, все историческое величие». «Мы почти стыдились называться русскими и говорить родным языком... мы были поражены одними внешними формами и, уцепясь за них, старались подавить ими

свою истинную народность. Думая подражать иностранцам, мы только пародировали их»³⁷.

Выступая страстным противником славянофилов и теории официальной народности, Бердяев по многим вопросам сближается с западниками. Однако отношение к революции и переворотам, критика капиталистического строя ведут Бердяева значительно дальше умеренной либеральной оппозиции. Это видно и из рассмотрения составленных им проектов будущей конституции Российского государства.

В бумагах А. В. Бердяева сохранилось три варианта проекта русской конституции: «Проект русской конституции», «Конституционное уложение» (с подзаголовком: «свобода, закон, порядок») и «Конституция России». Общее направление политической мысли всех трех проектов одинаково. Но по вопросу о социальном строе и об освобождении крестьян между двумя из них — «Проектом русской конституции» и «Конституцией России» — имеются значительные расхождения. Датировка «Конституционного уложения» не представляет такой важности, так как это сокращенный вариант «Русской конституции». Из анализа содержания проектов и некоторых внешних признаков можно сделать вывод, что первоначально был написан «Проект русской конституции», а уже затем «Русская конституция». «Проект русской конституции» более ограничен в своих социальных требованиях, особенно в решении крестьянского вопроса; в нем нет теоретической преамбулы, многие вопросы недостаточно детализированы. Этот документ написан в записной книжке с черным переплетом. В нем содержится 71-я статья полностью, затем лист оборван, и на отрывках написаны статьи 73 и 91, далее страницы вырваны. Сам текст написан светлорозовыми чернилами. Бумаги Бердяева харьковского периода его жизни, и в частности сочинение «О влиянии состояния внутренней жизни народов...», относящееся к 1843 г., написаны точно такими же чернилами. «Русская конституция» написана в другой записной книжке, более изящной, с золотым тиснением. Она содержит 67 вполне законченных статей; некоторые статьи разбиты на параграфы. Написана она темнокоричневыми, почти черными чернилами. Интересно, что письма Бердяева

³⁶ Там же, вещ. док., оп. 214, 1845 г., д. 191, лл. 109 об.—110. «Россия и ее признание».

³⁷ Там же, л. 108.

ва к отцу из Петербурга в Харьков написаны такими же чернилами. «Проект русской конституции» находится в следственном деле Бердяева³⁸; очевидно, эта записная книжка была представлена в III отделение вместе с доносом. Вряд ли донощик осмелился бы взять еще не исписанную, так сказать, действующую записную книжку. Он должен был взять записную книжку, которая была не в ходу и лежала в остальных бумагах: Бердяев с меньшей вероятностью мог ее хватиться. «Русская конституция» хранится в отделе вещественных доказательств III отделения, то есть она была забрана при аресте³⁹. Все эти данные указывают, что «Проект русской конституции» относится к харьковскому периоду жизни Бердяева, а «Русская конституция» — к более позднему, петербургскому периоду.

«Конституции России» предшествует теоретическая преамбула под заглавием «Декларация права» (§ 1), которая обосновывает «законность» ограничения самодержавной власти народом. «Народ есть источник всех прав в государстве и всякой власти,— гласит ст. 1.— Он выражает свою волю в законах», а свои права осуществляет посредством своих представителей. Воля народа, по мнению Бердяева, неоднократно выражалась в изменении основных законов и формы правления: призвание варяжских князей, княжеские сеймы, древнерусское вече, избрание на престол Бориса Годунова, избрание на престол Василия Шуйского с ограничением его прав и низложение его, избрание на престол дома Романовых (ст. 2). Таким же волеизъявлением народа, по мысли Бердяева, является и настоящее уложение. Ст. 3 провозглашает конституцию основным законом государства. Ст. 4 декларирует цель настоящего уложения: «Основать на незыблемых началах справедливости, свободы и порядка все устройство государственное и обеспечить им все политические права нации».

Многие исследователи, определяя принадлежность деятеля к тому или иному лагерю — дворянский революционер, революционер-демократ или либерал,— исходят из того, решал ли он вопрос о политическом устройстве в пользу конституционной монархии или в пользу республики. Нам представляется, что подобный подход не-

правомерен. Выяснение взглядов на форму правления без анализа того содержания, которое вкладывается в эту форму, не может служить достаточной основой для определения характера мировоззрения того или иного деятеля. И требование республики и требование конституционной монархии в условиях крепостнической самодержавной России были глубоко прогрессивными требованиями, предпочтение той или другой форме часто отдавалось из соображений тактики или реальной осуществимости данной формы в настоящих условиях. Все три проекта конституции Бердяева и многочисленные наброски к этим проектам определяют будущую форму правления России как конституционную монархию. «Россия управляется наследственными императорами при участии государственных чинов, которые состоят из Сената и Собрания депутатов империи. Каждый император при вступлении на престол дает присягу в соблюдении уложения и государственных законов, по форме законом предписанной»,— говорится в «Конституционном уложении» (ст. 6). Порядок наследования во всех этих проектах оставляется старым, сохраняются в силе и все законы, определяющие этот порядок, правда, «Русская конституция» устраняет от наследования престола женщин («женщины никогда не могут занимать престола» — ст. 16).

Конституционные проекты наделяют монарха очень большой исполнительной властью. «Особа императора священна и неприкосновенна. Ему принадлежит вся исполнительная власть и все внешние сношения государства, право войны и мира, право миловать преступников в случаях, законом определенных, раздача всех мест и должностей, гражданских и военных, наконец, верховное начальство над войсками и флотом. Император действует не иначе, как под ответственностью своих министров, которые суть единственные посредники между ним и государственными чинами, и подписывают все меры, от его имени обнародованные»,— так определяет права императора «Конституционное уложение» (ст. 7). «Проект русской конституции» детализирует эту общую формулировку.

Какова организация законодательной власти в будущей конституционной России? По этому вопросу между конституционными проектами Бердяева имеются существенные различия. Согласно «Проекту русской конституции», высшими органами, принимающими участие в правлении,

³⁸ Там же, 1 эксп., 1845 г., д. 107, лл. 41—57.

³⁹ Там же, вещ. док., оп. 214, 1845 г., д. 191, лл. 217—231.

то есть ограничивающими верховную власть, являются Сенат и Сейм: «Государственные сословия принимают участие в правлении посредством Сената и Сейма» (ст. 11). Сенат не является законодательным органом (ст. 31); это — «собрание, имеющее предметом охранение всех прав и законов в государстве» (ст. 28). Сенат: а) рассматривает проекты законов с точки зрения соответствия их конституции; б) судит все государственные преступления высших чиновников и министров; в) решает споры между высшими «государственными властями»; г) может уничтожать постановления исполнительной власти, если «найдет их противозаконными и антиконституционными»; д) имеет право предлагать законы (ст. 28—33). Сенаторы, по этой конституции, избираются Сеймом только из среды дворянства (ст. 69) и утверждаются императором; должность сенатора пожизненная; при своем избрании он должен иметь возраст не менее 40 лет, арестуется и судится он только самим Сенатом; ответственности за свой голос и свое мнение он не подвергается. Таким образом, Сенат является, по существу, органом дворянского сословия.

Высшим законодательным органом в империи является Сейм: «Сейму принадлежит вся законодательная власть». «Никакой новый закон не может быть издан без его согласия. Сейму принадлежит определение рода, меры, количества податей, проверка всех государственных расходов» (ст. ст. 48 и 49). Однако и Сейм, по этому первому проекту конституции, должен был быть прежде всего органом дворянства. Сейм состоит из двух палат или камер: из камеры дворянства и камеры среднего сословия (ст. 43), причем «согласное решение обеих камер необходимо для законодательных решений по предмету финансовых законов и дел, собственно до среднего сословия относящихся»; по всем другим вопросам решение «дворянской камеры, принятое простым большинством голосов, считается решением Сейма». Камере среднего сословия отводятся незначительные права: она имеет право, как и камера дворянства, предлагать законы, но «все предложения, кроме законов финансовых, сосредоточиваются в этой последней». Кроме того, она имеет право возбуждать ходатайство перед камерой дворянства о привлечении к ответственности того или другого министра, однако ответственен министр, по существу, только перед камерой дворянства. В слу-

чае разногласий камеры среднего сословия с камерой дворянства окончательное решение вопроса принадлежит Сенату, избранному, как известно, этой камерой.

Сейм избирается на 5 лет, созывается и распускается императором. Порядок выборов Сейма «Проектом русской конституции» не определяется, однако в бумагах Бердяева имеются наброски избирательного закона, относящиеся, видимо, к этой конституции. Этот избирательный закон вводит возрастной, имущественный и сословный ценз. Право быть избирателем принадлежит: всем потомственным дворянам; всем личным дворянам, состоявшим в государственной службе не менее 10 лет; всем почетным пражданам, имеющим звание коммерции и мануфактур советников; всем купцам 1-й гильдии; всем купцам 2-й и 3-й гильдий, которые два раза сряду были избраны в городские головы; всем лицам, имеющим ученые степени доктора и магистра⁴⁰.

Еще больше ограничений установлено для тех, кто может быть избран. «Право быть избранным в депутаты принадлежит всем потомственным дворянам, владеющим какой-нибудь поземельной собственностью; личным дворянам, состоящим на службе государственной не менее 25 лет; почетным гражданам, имеющим, кроме звания коммерции и мануфактур советников, не менее 50 000 рублей капитала; купцам первой гильдии, занимавшим в столицах важные коммерческие должности; всем лицам, имеющим ученую степень доктора прав»⁴¹.

Последующие конституционные проекты Бердяева не носят такого ограниченного узкосословного дворянского характера. Организация законодательной власти по этим проектам отличается значительно более демократическим характером. В «Конституционном уложении» и «Русской конституции» парламент, или, по терминологии Бердяева, Государственные чины, не имеет сословного характера; о сословиях, о сословном представительстве ни в одном из этих документов даже не упоминается. Сенат и Собрание депутатов являются, по существу, двумя палатами одного и того же парламента с абсолютно равными правами. Выборы и тех и других производятся в «избирательных коллегиях», но характер этих выборов, состав избирателей и избираемых нам не известны: обе эти конституции не содержат соответствующих па-

⁴⁰ Там же, л. 201—201 об.

⁴¹ Там же, л. 201 об. — 202.

раграфов, посвященных этому вопросу. Во всяком случае, можно предполагать, что ценз сословный должен совершенно отсутствовать в избирательном законе. Подтверждение этому мы находим в разделе, посвященном определению прав граждан (см. ниже).

«Русская конституция» содержит ряд разделов, которых нет ни в «Проекте русской конституции», ни в «Конституционном уложении», которые детализируют, уточняют организацию власти в будущей России. Остановимся коротко на этих разделах. Раздел VII (О министрах) определяет ответственность министров перед парламентом («они преследуются Собранием депутатов и судятся Сенатом»); раздел VIII декларирует организацию народной гвардии «для защиты порядка и внутреннего спокойствия», охраны конституции и парламента. «Народная гвардия ни в коем случае не выходит из пределов империи». Раздел IX предусматривает скорейшую разработку ряда законов: а) об ответственности министров; б) о наказании за стеснение свободы выборов и прений в (государственных) чинах как за государственную измену; в) о несовместимости депутатского звания с должностями, зависящими от министерств (исключается министерство иностранных дел); г) об устройстве национальной гвардии; д) о свободе книгопечатания; е) об участии городских дум и сельских общин при раскладке податей и налогов; ж) о свободном выборе членов городских дум, сельских общин, голов, старост; з) о порядке производства в чины и о награждениях и пенсиях... (ст. 61). Обращает на себя внимание пункт «ж», который предполагает организацию широкого местного самоуправления при всеобщих свободных выборах.

Особый интерес вызывает раздел VI (О Верховном судилище государства), который отсутствовал в предшествующих проектах. По проекту Бердяева, верховное судилище имеет высшую кассационную власть в судебных вопросах и консультативную в законодательных: оно просматривает законы с точки зрения их соответствия конституции и может остановить их обнародование до следующего утверждения этого закона соответствующими инстанциями — Сенатом, Собранием депутатов и императором. Члены Верховного судилища выбираются, как и сенаторы, пожизненно, они бессменны, не отвечают за свое мнение и голос перед правительством. Их заседания открыты. Судопроизводство должно

быть организовано на следующих принципах: бессменность судей, участие присяжных заседателей, адвокатура, независимость судей, соединение следственной власти с судебной (ст.ст. 47—52). Таким образом, согласно проектам Бердяева, судопроизводство строится в будущей России на принципах широкой буржуазной демократии, всякая сословность суда ликвидируется. Это был, бесспорно, прогрессивный демократический проект.

На таких же основах определяются права граждан России. Декларируется равенство всех перед законом, единство и бессословность суда. Устанавливается свобода вероисповеданий: все церкви равны и одинаково пользуются покровительством законов, а церковнослужители находятся на жалованье от государства. Объявляется свобода слова, печати, ликвидация цензуры, декларируется свобода собраний и создания обществ «для рассуждения о своих выгодах и для защиты своих конституционных прав. Ответственность за все эти действия несет не в административном порядке, а только по суду. Наконец, все русские граждане могут проявлять законодательную инициативу в форме подачи проектов и прошений».

Первоначальный «Проект русской конституции» сохраняет сословный строй, в нем имеется даже специальный раздел «О государственных сословиях». Этим проектом узакониваются три основных сословия: дворянство, среднее сословие и «крепостное сословие» (ст. 63), духовенство может принадлежать и к первому и ко второму (ст. 64). Только дворяне, по существу, обладают всеми правами и свободами, предусмотренными конституцией: они имеют свою камеру в Сейме, только из дворян выбираются сенаторы, только они обладают широкими избирательными правами, они сохраняют право создавать свои «местные общества для рассуждения о делах общественных» (ст. 71) и могут даже избираться в камеру среднего сословия (ст. 73). Этот проект сохраняет неприкосновенными «все дворянские фамилии, гербы и титулы», «все преимущества и права дворян по отношению ко вступлению в службу». Более того, этот проект в некоторых своих чертах носит даже более аристократический, узкоклассовый характер, нежели существовавшее в то время законодательство. Так, «Проект конституции» декларирует невозможным получение дворянства службою. «Оно приобретает

только рождением или пожалованием императорской власти» (ст. 69). Наконец, дворяне объявляются монопольными владельцами поземельной собственности; «лица других состояний, владеющие землей в силу прежних узаконений, обязаны продать их в течение годового срока. В противном случае эти земли будут отобраны в казну» (ст. 70).

В узкоклассовых дворянских интересах решает Бердяев и крестьянский вопрос: крепостное право сохраняется в силе, а крестьяне лишаются всех конституционных прав. Однако необходимо обратить внимание на следующие две оговорки, которые имеют существенный характер. Так, декларируя неприкосновенность прав и преимуществ дворянства, утвержденных ранее существовавшими законами, Бердяев пишет: «Пока сами законы эти не будут изменены или уничтожены» (ст. 67). Таким образом, Бердяев предполагает возможность ликвидации этих прав и преимуществ. В статье о сохранении крепостного права Бердяев также делает существенную оговорку: крепостное право сохраняется, пока «по воле и согласию российского благородного дворянства, это сословие не будет преобразовано или уничтожено, — и тогда сама 9-я статья может потерять свою силу» (ст. 9). Таким образом, решение крестьянского вопроса откладывается на будущее и ставится в зависимость от воли дворянства.

Иное решение вопроса о крепостном праве и о сословном строе дано в «Русской конституции» и «Конституционном уложении». Согласно этим документам, будущее общество строится на принципах бессловности или, вернее, равенства всех сословий. В «Проекте русской конституции» употребляется термин «граждане», исключая из этого понятия крепостных как не наделенных гражданскими правами. «Русская конституция» и «Конституционное уложение» прибегают к другим терминам: «русские», «все русские», «русские граждане», — подчеркивая этим, что из пользования конституционными правами никто не исключается, «все русские» равны. «Русская конституция» прямо содержит статью, которая уравнивает дворянство со всеми другими слоями населения. «Дворянство удерживает свои титулы; но в порядке политическом, гражданском и административном уравнивается с остальными сословиями. Никакой закон не может усвоить происхо-

ждению и благородству лица особенных преимуществ» (ст. 63).

В «Русской конституции» и «Конституционном уложении» совершенно категорически решается вопрос и о крепостном праве: «Крепостное состояние навсегда уничтожается. Переход крестьян от одного владельца к другому не может б(ыть) ограничен никакими законами» (ст. 62). Таким образом, взгляды Бердяева значительно демократизируются, получают большую законченность и становятся более прогрессивными. У нас нет данных о том, на каких условиях Бердяев допускал освобождение крестьян. Вполне возможно, что он не предполагал ликвидации помещичьего землевладения и передачи земли крестьянам. Но все же взгляды Бердяева по крестьянскому вопросу существенно изменились.

Не видя реальной общественной силы, способной возглавить общественный прогресс, Бердяев сначала возлагал надежды на добрую волю самодержца, на дворянство, «спонявшее дух века». Авторами первого проекта — «Проекта русской конституции» — должны были быть представители дворянства. В бумагах Бердяева говорится: «Составители хартии были представителями... дворянства. Они не смели принять на себя меру, которая бы могла оскорбить сословие, избравшее и уполномочившее их; не смели однакож произнести и над народом приговор решительный. Они оставили вопрос нерешенным». (Вопрос идет о ликвидации крепостного права — *И. Ф.*)⁴². Однако, по мнению Бердяева, отмена крепостного права есть насущная задача времени. Он пишет далее, что общество, получившее политические права, «не может отказать ни одному сословию, сама польза государства требует освобождения крестьян»⁴³. Бердяев, однако, приходит к выводу, что дворянство не может пойти на такую решительную меру, что оно может провести лишь «меры слабые, ничтожные, клонящиеся только к угнетению народа»⁴⁴. Таким образом, Бердяев начинает понимать, что дальше куцей аристократической конституции дворянство как класс пойти не способно. Это и вызвало, очевидно, появление последующих конституционных проектов, основанных на принципах бессловности, широкой демократизации всей обще-

⁴² Там же, л. 231.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

ственной жизни, безусловной ликвидации крепостничества.

Бердяев подходил и к пониманию того, что самодержавие не способно подняться до прогрессивного решения общенациональных задач и пойти на ограничение своей власти. В его набросках имеются указания на неизбежность конфликта между будущим парламентом и самодержавным правительством, на бегство царя из столицы и собрание им вооруженных сил для борьбы с представителями народа⁴⁵. Бердяев не изжил еще боязни народной революции, характерной для первого этапа революционного движения. «Народ не всегда с умеренностью пользуется победой... Мятеж кровавый, убийственный может вспыхнуть», — читаем мы в его бумагах. Однако он твердо убежден в необходимости революционных преобразований: «Проникнутые чувством своих прав, мы не уступим угрозам, которыми осыпают нас со всех сторон; народ не изменит самому себе»⁴⁶.

Так, Бердяев приходит к выводу о неизбежности борьбы, революции для достижения прогресса. Правда, он не делает окончательного вывода, но то, что его развитие шло именно в этом направлении, не подлежит сомнению. Бердяев пишет замечательные слова: «Демократия составляет... действительную потребность нашего века... Торжество демократии очевидно».

Взгляды Бердяева требуют дальнейшего глубокого изучения. Это поможет нам яснее представить сложный путь становления революционного мировоззрения в 40-х годах XIX века. Взгляды Бердяева складывались в условиях дворянского этапа революционного движения, при отсутствии массового народного движения, когда крепостная Россия была забита и неподвижна. Для его взглядов было характерно преимущественное внимание политическим вопросам, вопросам борьбы за политическую свободу. Представители революционного движения периода дворянской революционности преимущественно обращали внимание на провозглашение свободы личности, на освобождение личности от мелочной опеки и регла-

ментации правительства, на провозглашение буржуазных демократических свобод — свободы слова, вероисповеданий, собраний, организаций свободы книгопечатания и особенно реформы судопроизводства. Вопросы социальные, экономические занимали в их взглядах и программах второстепенное место, и к решению этих вопросов они также подходили с точки зрения освобождения личности от рабства и принуждения.

Для Бердяева характерно выдвижение проектов конституционно-монархического переустройства страны, которое считалось многими передовыми деятелями 40-х годов наиболее реальным, возможным в тогдашних условиях.

Вопрос о характере переворота, предстоящей революции еще не был ясен Бердяеву. Революционное поколение данного периода уже осудило заговорщическую тактику декабристов, однако оно еще не изжило полностью боязни «ужасов» французской революции, не подошло вплотную к идее революции народной. Этому способствовало и отсутствие широкого, массового народного движения. Для мировоззрения Бердяева характерны надежды на прогрессивную деятельность «образованного» дворянства или даже на самодержавие, то есть еще свойственны либеральные иллюзии.

Характеризуя народничество, В. И. Ленин писал, что «оно никогда не могло, как общественное течение, отмежеваться от либерализма справа и от анархизма слева»⁴⁷. Это тем более присуще раннему этапу становления революционно-демократической идеологии, когда демократизм и либерализм еще не окончательно размежевались друг от друга. Потребовались буржуазная революция 1848 г. на Западе и революционная ситуация 1859—1861 гг. в России, чтобы окончательно положить водораздел между ними. Конечно, уже у истоков своего существования эти течения объективно отражали различные классовые тенденции общественного буржуазного развития. Однако в условиях, когда противоречия капиталистического общества в России только намечались, эти тенденции еще не проявились с достаточной четкостью.

⁴⁵ Там же, л. 232.

⁴⁶ Там же, ф. 109. 1 эксп., 1845 г., д. 107, л. 14 об.

⁴⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 224.